

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0

Исследовательская статья

Шайхисламов Р. Б. ,
Асадуллина Г. Р. ,
Садретдинова Э. В.

Молодежные протестные настроения глазами
российской молодежи

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет
450076, Россия, Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3, стр. 4
rafaelbadretdinovich@mail.ru
Asadullina-guzeliya@yandex.ru
golichev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок молодежью участия части молодежи в различных протестных акциях. Исследовательская проблема заключается в том, что волна протестных акций в самых разных странах за последние два года, в том числе и в нашей стране, требует получения новых знаний не только об объективной динамике этих акций, но и об оценках молодежью их причин, мотивов участия молодежи в подобных акциях. Суждения молодежи о протестных акциях являются не только субъективным отражением реальных протестных процессов, но и результатом конструирования их причин в индивидуальном и массовом сознании. При этом в данном конструировании большую роль играют массовые коммуникации, осуществляемые в большей степени посредством сети Интернет. Протестные акции, в которых принимала участие часть российской молодежи, обусловлены латентными (условия жизни молодежи, социальные проблемы молодежи) и явными (стремление к переменам) факторами. Исследование показывает, что протестные акции молодежью оцениваются большей частью как позитивные. В этих условиях актуализируется необходимость отношения к молодежи не как к объекту информационного воздействия и воспитательных мероприятий, а как к субъекту позитивных изменений как в собственной судьбе, так и в жизни общества. В статье обосновывается тезис трансформации национальных целей развития страны до 2030 года из целей для молодежи в цели самой молодежи.

Ключевые слова: молодежь; протестные акции; массовые коммуникации; информационная компетентность; социальное конструирование; СМИ; социальное доверие; национальные цели

Благодарность. Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 20-011-31700).

Информация для цитирования: Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р., Садретдинова Э. В. Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 3. С. 104-121. DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0.

Rafael B. Shaikhislamov ,
Guselia R. Asadullina ,
Evellina V. Sadretdinova

Youth protest moods through the eyes of Russian youth

Bashkir State University
450076, bld. 4, 3, Karl Marx St., Ufa, Russia
rafaelbadretdinovich@mail.ru
Asadullina-guzeliya@yandex.ru
golichev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of youth assessments of the participation of a part of youth in various protest actions. The research problem is that the wave of protest actions in various countries over the past two years, including in our country, requires new knowledge not only about the objective dynamics of these actions, but also about young people's assessments of their reasons, motives. participation of youth in actions. Young people's judgments about protest actions are not only a subjective reflection of real protest processes, but also the result of constructing their causes in the individual and mass consciousness. At the same time, mass communications, carried out to a greater extent by the Internet, play an important role in this construction. The protests in which some Russian youth took part were caused by latent (the living conditions of youth, the social problems of youth) and explicit (a desire for change) factors. At the same time, protest actions by young people are generally assessed as positive. In these conditions, the need to treat young people is actualized not as an object of informational influence and educational activities, but as a subject of positive changes both in their own destiny and in the life of society. The article substantiates the thesis of the transformation of the national development goals of the country until 2030 from goals for young people into goals of young people themselves.

Keywords: youth; protest actions; mass communications; information competence; social construction; media, social trust, national goals

Acknowledgements. The article was prepared as part of a study supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research (grant number 20-011-31700).

Information for citation: Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R. and Sadretdinova, Ev. V. (2021), "Youth protest moods through the eyes of Russian youth", *Research Result. Sociology and management*, 7 (3), 104-121, DOI:10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0.

Введение (Introduction). Отличительной чертой протестных акций 2020 – начала 2021 годов стало более активное участие в них молодых людей, иногда – и подростков. Эти протестные выступления обнаружили ряд особенностей. Во-первых, это специфика *локализации*. Если ранее большинство масштабных протестных акций проходило в мегаполисах России, то сейчас к ним присоединились регионы. В

некоторых городах протестные акции проходили впервые за последние десять лет. Во-вторых, *состав участников протестных выступлений*: активными участниками протестных движений были представители молодежи в возрасте от 16 до 25 лет. В-третьих, наличие артикулированного *общего вектора выступлений*: движение за социальную справедливость, за реализацию прав и свобод граждан в условиях

углубляющегося социального неравенства и поляризации социума; выступления за сменяемость власти, против нарушений выборных процедур, коррупции. В-четвертых, доминирующая роль *новых медиа* в освещении и обеспечении поддержки протестных выступлений молодых людей, представляющих собой основную аудиторию этих медиа.

Протестные акции в регионах, в частности, в Республике Башкортостан имели некоторые особенности. Часть из них проходила в рамках общероссийских протестных движений. В то же время некоторые акции имели локальный характер. Прежде всего, общероссийский резонанс получили акции в защиту природных памятников – шиханов – от промышленной разработки Башкирской содовой кампанией.

Состав участников различных протестных акций (по возрасту, этнической идентичности, месту жительства, профессиональной принадлежности и т.д.) весьма разнообразный. Отношение к этим акциям со стороны жителей, в том числе и молодежи, неоднозначное. Неоднозначность отношения к протестам обусловлено тем, что социальные интересы тех или иных социальных групп в неодинаковой степени связаны с теми проблемами, которые трансформировались в требования протестующих (например, отказ о разработки шиханов угрожал сокращением рабочих мест в городе Стерлитамак). В то же время происходила активная проблематизация средствами массовой коммуникации, включая интернет-издания, блоги, различные мессенджеры, ситуации вокруг протестных акций. В результате конструирования массовыми коммуникациями социальных проблем отношение населения к протестным акциям было противоречивым. В конструировании проблематики протестных акций нашли свое отражение и особенности «Я» и «Мы»-концепций молодежи.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). В социальной мысли протестная деятельность

граждан рассматривается как форма гражданской активности, ориентированная на артикуляцию и трансляцию органам власти и управления нереализованных потребностей и интересов (Юдина и др., 2020: 140). Феномен социального протеста изучается в рамках нескольких направлений. В *концепции коллективного поведения* (Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд, Г. Блумер) (Дементьева, 2013: 83-94; Лебон, 1991: 119-152; Тард, 1999: 98-112) социальный протест рассматривается как социально-психологический феномен. Отмечается, что протестное движение порождает агрессивность, беспокойство, психологическую и социальную напряженность. По мнению представителей данного направления, протест иррационален, непредсказуем и всегда актуализируется в периоды социальных кризисов.

Согласно *концепции депривации* (С. Стауффер, Р. Мертон) (Stouffer, Suchman, et al., 1949: 125; Merton, 1957: 14-17) протестные настроения возникают в условиях сравнения и обнаружения несоответствия социальной действительности со значимыми ценностями и ожиданиями, что выступает источником чувства неудовлетворенности, нарушения «онтологической безопасности», порождая мотивацию к участию в протестных акциях.

Конфликтологический подход (Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг) (Dahrendorf, 1959: 165) трактует протест как столкновение интересов социальных групп с противоположенными социально-политическими и экономическими интересами. При этом интенции выступлений (содержание требований и лозунгов) детерминированы кругом социальных проблем (Juska, Woolfson, 2012: 403-424), а острота протестных акций и характер действий их участников обусловлены особенностями «когнитивного проигрывания» (осмысления проблем), доминированием когнитивного, аффективного или волевого компонента представлений.

К важнейшим социальным факторам, обуславливающим характер протеста, его

активные и пассивные формы, можно отметить особенности содержания политической власти, специфику дифференциации влияния и делегирования полномочий (Волынчук и Соловченков, 2013: 29), дисфункции в деятельности органов власти и управления, проявления коррупции, ограничения демократических прав и свобод (Ratliff, Hall, 2014: 268-294).

Институциональный подход (Е. Армстронг, М. Бернштейн) (Armstrong, Bernstein, 2008) акцентирует внимание на характер влияния новых акторов (в т.ч. новых медиа) на коллективное поведение, включая разнообразные формы реализации протестного потенциала, основой которых становятся не традиционные нормы и ценности определенных социальных групп и общностей, а некие универсальные ценности и идеалы.

Протестные движения стали заметным объектом социологических, политологических, психологических исследований в последнее десятилетие. Опубликованы сотни статей в ведущих российских научных журналах, в которых освещены самые разные аспекты протестных движений в России (Юдина и др., 2020: 139-151; Титов, 2020: 139-158; Пацеля, 2021: 2072-2076; Романов и др., 2021: 240-247 и другие). Основные векторы исследований молодежного протеста в российской науке последних лет представлены в работе Д. В. Руденкина (Руденкин, 2020: 32-47).

В нашем проекте мы ориентировались на методологию социального конструирования. Поэтому особое внимание уделяли не только констатации суждений молодых респондентов, но и анализу факторов конструирования этих суждений. Эти факторы подразделялись на два типа: «субъективные» – «Я» – и «Мы» – концепции молодежи (суждения о себе, своем поколении, этносе, стране) и «объективные» – информационный фон, создаваемый СМИ и другими каналами массовой коммуникации.

В предлагаемой читателям статье анализируются некоторые результаты стандартизированных интернет-опросов в рамках

реализации проекта «Информационные события в конструировании образа России в системе «Я»- и «Мы»-концепций поколений Y и Z» в 2020-2021 гг. В процессе осуществления проекта была реализована в числе других цель выявления взаимосвязи между «Я»- и «Мы»-концепциями молодежи с их политической активностью, в том числе протестной; особенности восприятия информационных событий, их интерпретаций и конструирования этих событий в общественном мнении. В январе 2021 года было проведено два анкетирования по 1000 респондентов в возрасте от 16 до 30 лет, проживающих в Республике Башкортостан. Помимо этого, организована серия фокус-групп, в ходе которых также обсуждалась тема участия молодежи в протестных акциях. Также проведен контент-анализ интернет-ресурсов.

Исходя из данной цели, мы ставили следующие задачи исследования: 1) анализ представлений различных групп молодежи о возможностях выражения своих интересов и реализации прав и свобод с помощью законодательно предусмотренных инструментов (электоральная активность); 2) анализ представлений о причинах и социальных факторах-детерминантах участия / не участия молодежи в активных протестных акциях; 3) анализ влияния традиционных и новых медиа в реализации протестного потенциала молодежи.

Выборка опросов строилась как многоступенчатая, отбор информантов осуществлялся методом квотирования. Основные критерии отбора:

- социально-демографический: распределение информантов по полу и возрасту в соответствии с социально-демографическим составом Республики Башкортостан;

- территориальный: отбор осуществлялся с учетом территориального состава населения Башкортостана (типов поселений: крупнейший город; малый / средний город; сельские поселения);

- этнический: отбор осуществлялся с учетом этнического состава населения муниципальных образований региона.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Молодежь о протестных акциях.* Среди резонансных событий 2020 года – многочисленные протестные акции во многих странах мира. Протесты в США, затем и в Западной Европе против полицейского произвола, протесты против ограничительных мер в связи с пандемией, акции несогласных с итогами выборов президента в США и Беларуси, протестные акции в Хабаровске и Башкортостане, протесты в связи с арестом А. Навального – далеко не полный перечень подобных событий, в которых наиболее заметную роль сыграла часть молодежи.

Отношение к протестам в современных условиях определяется не только интересами и потребностями людей, но и степенью информированности об этих акциях. Сама информированность, в свою очередь, обусловлена не только степенью связанности акций с личными и групповыми интересами, но и резонансным характером тех или иных событий в коммуникативной среде общества.

Оценки молодыми респондентами причин участия части молодежи в протестных акциях ранжируются следующим образом (в %; сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа).

<i>Ухудшение условий жизни</i>	53,5
<i>Стремление к свободе</i>	52,6
<i>Стремление к положительным изменениям</i>	51,6
<i>Считают, что другими методами невозможно влиять на власти</i>	41,1
<i>Молодежь меньше боится, чем старшие поколения</i>	43,3
<i>Молодежь реагирует более эмоционально, решительно</i>	36,4
<i>Влияние СМИ и интернет-ресурсов</i>	32,3
<i>Молодежь выступает против чего-либо, а не за что-то</i>	24,6
<i>Молодежь больше подвержена чуждому влиянию</i>	22,7
<i>Подстрекательство со стороны оппозиционных политиков</i>	21,4
<i>Затрудняюсь ответить</i>	17,7
<i>Для многих это просто форма проявления эмоций</i>	16,4
<i>Большинство участвует «за кампанию»</i>	15,4
<i>Для молодежи характерен переход от одной крайности к другой</i>	13,5
<i>Стремление стать частью Европы</i>	11,6
<i>Недостаток патриотизма среди молодежи</i>	10,1

Несмотря на большой разброс ответов респондентов о факторах, побуждающих часть молодежи участвовать в протестных акциях, можно выделить следующие типы мнений. Во-первых, это неудовлетворенность молодыми людьми условиями своей жизни (уровень доходов, трудовая занятость, жилищно-бытовые условия и т.п.). Сама по себе неудовлетворенность условиями жизни является фоновым фактором протестных настроений молодежи, поскольку в протестных акциях непосредственно не выдвигались требования решения проблем уровня жизни. Как отмечают Т. Н. Юдина, Ю. Н. Мазаев, Т. М. Бормо-

това и П. С. Жуков, уличная протестная активность указывает на глубокие социальные противоречия, на нерешенность насущных проблем, затрагивающих конкретные жизненные интересы простых людей (Юдина и др., 2020: 139-151).

Что касается влияния на умонастроения молодежи со стороны СМИ, Интернета, политической оппозиции, то их значимость респондентами оценивается в меньшей степени. Особенности психологии («выступления не за, а против», «подверженность чуждому влиянию», «участие за кампанию», «проявление эмоций») протестные настроения у части молодежи объясняют

15-25% молодых респондентов. Замыкают ранг оценок респондентов мнения о стремлении части молодежи стать частью Европы и недостаток патриотизма. Последнее обстоятельство следует отметить особо. Если для жителей ряда стран постсоветского пространства характерно жить «как в Европе» и «в новой европейской стране», то для такого региона, как Башкортостан, стремление к «евроремонту» не характерно. Подавляющее большинство респондентов не считают, что у молодежи мало патриотизма, поэтому обвинения в недостаточном патриотическом воспитании протестующей молодежи не являются для самой молодежи убедительными.

Основным фактором, побуждающими часть молодежи к протестным действиям,

<i>Ориентируются на свободу от...</i>	16,0
<i>Ориентируются на свободу для...</i>	31,8
<i>Ориентируются просто на свободу, неважно от чего и для чего</i>	20,4
<i>Большинство вообще об этом не думает</i>	7,7
<i>Затруднились ответить</i>	24,1

Каждый пятый респондент считает, что для большинства молодежи свобода является терминальной ценностью, а почти половина респондентов полагает, что свобода для молодежи – это инструментальная ценность. При этом почти треть респондентов предполагает, что свобода для большей части молодежи является позитивной терминальной ценностью. Следовательно, для значительной части молодежи, по мнению самих молодых респондентов, свобода является условием и для самореализации, и для решения общественных проблем. В этом нам видится наличие инновационного и созидательного потенциала протестного

является ограниченность возможностей молодежи влиять на решения, которые вели бы к улучшению условий жизни. Отсюда и высокая доля в ответах респондентов таких суждений, как «стремление к свободе», «стремление к положительным изменениям», «невозможно влиять на власть».

Значительный вес такого фактора протестных действий, как «стремление к свободе», требует своей интерпретации. В общественном сознании представления о свободе имеют две грани – «свобода от ...» и «свобода для...». Соотношение этих двух граней оценки в ориентациях большей части молодежи самым молодым респондентам представляется следующим образом (в %):

движения молодежи, что является фактором поддержки этого движения со стороны существенной части молодежи.

Об этом также свидетельствует отношение молодых респондентов к резонансным протестным движениям 2020 года. Мы попросили определить свое отношение к протестным акциям в США и Западной Европе (в связи с убийством полицейскими афроамериканца Джорджа Флойда, итогами президентских выборов в США; ограничительными мерами в условиях пандемии); к протестным акциям в Белоруссии после президентских выборов; к протестным митингам в Башкортостане против промышленной разработки шиханов.

Таблица 1

Отношение респондентов к протестам, % от числа ответивших

Table 1

Respondents' attitude to the protests, % of respondents

Диспозиции / Dispositions	Протесты в западных странах / Protests in Western countries	Протесты в Белоруссии / Protests in Belarus	Протесты в Башкортостане / Protests in Bashkortostan
не знаю об этих акциях, не могу судить / I don't know about these protests, I can't judge	35,7	23,2	19,4
поддерживаю всех протестующих / support all protesters	10,6	37,9	50,0
одних поддерживаю, других осуждаю / I support some, I condemn others	25,4	13,7	5,4
не поддерживаю никого / do not support anyone	11,4	10,2	5,2
мне все это безразлично / I don't care about all this	10,5	8,7	5,8
затрудняюсь ответить / find it difficult to answer	6,4	6,3	14,2

Прежде всего, следует отметить достаточно высокий уровень осведомленности молодежи о протестных акциях, в том числе в западных странах. Действительно, эти акции широко освещались всеми видами СМИ. Но уровень осведомленности, как видим, зависит от «географической близости» протестных акций – об акциях в защиту шиханов в Башкортостане не знают лишь 14% молодых респондентов республики. Что касается поддержки или осуждения протестующих, это тоже связано с фактором «географической близости». Половина респондентов поддерживает участников протестных акций в Башкортостане, проблема защиты шиханов в своем регионе воспринимается более остро, чем проблема легитимности президентских выборов в дружественной, но все-таки другой стране, не говоря уже о проблеме легитимности президентских выборов в США. Но все же

поддерживающих протестные акции, будь то в западных странах, в Белоруссии или в своем родном регионе, значительно больше, чем их осуждающих. Это является косвенным показателем протестного потенциала молодежи в республике.

Как известно, в протестных акциях большую роль играют массовые коммуникации. В то же время межличностные коммуникации также обладают мобилизационным ресурсом. В условиях информационной неопределенности и противоречивости ситуации советы друзей могут сыграть решающую роль. Суждения респондентов относительно того, что посоветуют друзьям в ситуации протестных акций (добавим, что эти данные косвенно говорят и о позиции респондентов к личному участию в уличных протестных акциях) распределились следующим образом:

Таблица 2

Что посоветовали бы своим друзьям в преддверии какой-либо протестной акции?, % от числа ответивших*

Table 2

What would you advise your friends on the eve of any protest action?, % of respondents*

Не участвовать... / Not to participate ...	В %	В %	Участвовать... / Participate...
могут быть серьезные последствия для себя / can have serious consequences for themselves	20,9	10,9	не надо бояться последствий / no need to be afraid of the consequences
это не путь решения проблем / this is not a way to solve problems	13,4	13,8	по-другому не получится решение проблем / there is no other way to solve problems
за протестными акциями стоят интересы совершенно других людей / the interests of completely different people are behind the protest actions	15,8	18,2	протест – это форма отстаивания своих интересов / a protest is a form of defending one's interests
посоветую в зависимости от того, против чего протестуют / I will advise depending on what they are protesting against	20,9	13,8	это придает адреналина / it gives adrenaline
<i>Ничего не посоветую, пусть каждый решает сам / I will not advise anything, let everyone decide for themselves – 47,3</i>			

* Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов / Respondents could choose multiple answers

Позиции респондентов весьма противоречивые. Поскольку в большинстве случаев протестные акции проходят без соответствующих разрешений со стороны властей, за участие в них могут быть применены санкции. Каждый пятый респондент советует не принимать участия в акциях из-за негативных последствий; каждый десятый считает, что не надо бояться возможных негативных последствий. Таким образом, каждый пятый респондент рационально, избирательно относится к участию в акциях (в зависимости от того, против чего протестуют), тогда как эмоциональный фактор («адреналин») является значимым для 13,8% респондентов. Незначительна разница в долях респондентов, позиции которых по поводу отстаивания интересов – своих или чужих – расходятся. Такая же примерно картина складывается в отношении протестных акций как метода решения проблем.

Склонны призывать участвовать или не участвовать в протестных акциях меньшая часть респондентов. Половина респондентов не склонна задействовать в свою сферу межличностных коммуникаций агитацию за или против участия в протестных акциях. Эти респонденты не склонны призывать (соответственно, и самому участвовать) протестовать за «компанию», считая, что каждый должен принимать решение самостоятельно. В то же время такая позиция свидетельствует, как видим из приведенной выше таблицы, и о безразличии части молодежи к протестным акциям.

Рассмотрим некоторые аспекты влияния массовых коммуникаций на протестные настроения молодежи. Степень влияния средств массовых коммуникаций на молодежь обуславливается тем, в какой мере молодежь а) представлена в аудитории этих СМК, б) информирована о тех или иных событиях в жизни региона, страны, мира; в) доверяют тем или иным СМК.

Образ жизни современной молодежи, ее социальное поведение и настроения тесно связаны с повесткой дня СМИ, с тем, как различные общественно-политические процессы конструируются как информационные события. Молодежь считает себя более информированным, чем старшее поколение. Однако степень информированности молодежи о различных событиях, в том числе и прямо или косвенно связанных с протестами, достаточно низкая. Например, несмотря на то, что наша страна около 10 лет живет под разными санкциями со стороны западных стран, более половины молодых респондентов не знают об этом (о санкциях, направленных против строительства «Северного потока-2», осведомлены 70,1%; из-за воссоединения Крыма с Россией – 46,8%; из-за конфликта в Донбассе – 56,3%; в связи с «делом Скрипалей» – 65,4%; в связи с «делом Навального» – 42,2%; в связи с «делом Магнитского» – 73%; в связи с обвинениями в допинге в российском спорте – 49,7%). Те же, кто знает об этих санкциях, не всегда ясно представляют их цели. Этот пример свидетельствует о низком уровне информированности молодежи о различных социально-политических процессах.

Недостаточна степень не только информированности, но и информационной

компетентности. О степени навыков респондентов к селективному отбору информации свидетельствуют ответы на вопрос о сообщениях за последнюю неделю, которые они перепроверили по разным источникам. Примерно половина респондентов, судя по ответам, довольствуются только одним источником информации: *не перепроверяли сообщения 40,6%*. Вопрос о содержании поправок, внесенных в Конституцию страны, 15,4% респондентов оставили без ответа; 30,1% ответили, что не знают о содержании поправок (не помнят, не интересовались, относятся безразлично и т.п.).

В наше время в возрастающей степени проявляет себя проблема доверия к различным источникам информации. Это касается преимущественно традиционных СМИ. Среди новых медиа пальма первенства по уровню доверия молодежной аудитории принадлежит социальным сетям. Однако «лидером» среди ответов о доверии является аут-аудитория (не принадлежат к аудитории различных СМК).

Для оценивания роли в конструировании «картины жизни» посредством «повестки дня» и способов подачи информации была измерена степень доверия молодежи к разным источникам информации.

Таблица 3

Степень доверия молодежи к источникам информации, % от числа ответивших

Table 3

The degree of confidence of young people in information sources, % of respondents

Источник информации / Source of information	Не читаю, не смотрю, не слушаю / I don't read, I don't look, I don't listen	Полно- стью до- веряю / I fully trust	В основ- ном дове- ряю / Ba- sically I trust	В чем-то доверяю, в чем-то нет / I trust in some things, in some I do not	Совсем не дове- ряю / I don't be- lieve at all	Затруд- няюсь от- ветить / I find it hard to answer
Газеты, журналы / Newspapers, magazines	59,3	4,3	7,3	15,0	11,1	3,0
Радиоканалы / Radio	51,6	7,1	8,3	17,8	10,9	4,3
Телевидение / TV	25,9	7,5	10,4	20,0	31,7	4,5
Российские интернет-издания / Russian Internet publications	31,3	6,1	13,7	32,3	11,6	5,0

Источник информации / Source of information	Не читаю, не смотрю, не слушаю / I don't read, I don't look, I don't listen	Полно- стью до- веряю / I fully trust	В основ- ном дове- ряю / Ba- sically I trust	В чем-то доверяю, в чем-то нет / I trust in some things, in some I do not	Совсем не дове- ряю / I don't be- lieve at all	Затруд- няюсь от- ветить / I find it hard to answer
Социальные сети / Social net- works	12,6	10,0	17,1	45,5	10,5	4,3
Зарубежные Интернет-издания / Foreign Internet publications	29,9	7,5	12,4	33,2	9,6	7,4
Блоги / Blogs	22,8	6,3	15,6	36,2	12,1	7,0
Информация от друзей, знако- мых / Information from friends, acquaintances	14,0	8,6	22,8	42,7	6,1	5,8

Традиционные медиа (газеты, журналы, радио) даже с переходом в интернет-пространство не стали значимым источником информации для современной молодежи. Особую позицию занимает телевидение, которое, вследствие ряда особенностей (многоканальность воздействия, масштабы распространения, визуализация), привлекает три четверти молодежной аудитории. Но в то же время уровень доверия к телевизионной информации является низким. Среди интернет-каналов наибольшее внимание молодежи привлекают социальные сети. Факторами привлечения социальными сетями внимания молодежной аудитории являются адресность контента, формат сообщений, горизонтальный характер коммуникаций, что содействует повышению их значимости и степени доверия к ним. При этом в комментариях респонденты указывали социальные мессенджеры, вызывающие наибольшее доверие (прежде всего «Телеграмм» как источник независимой информации). В последнее время возрастает значение блогосферы как источника информации в молодежной среде, поскольку блогеры являются лидерами мнений.

Что касается повышенной сензитивности и благоприятного характера восприятия информации, распространяемой в интернет-среде от друзей и знакомых, на наш

взгляд, в этом случае молодых людей привлекает примарный характер коммуникаций с близкими людьми, ближайшим окружением. Приоритет тех или иных каналов интернет-коммуникации, с одной стороны, обуславливает реализацию потребностей молодых людей в информации, которая соответствует формирующейся у них системе ценностей и идеалов, но, с другой стороны, особенности этих информационных каналов благоприятствуют созданию позитивной среды для использования манипулятивных технологий. 62% респондентов, не подвергая проверке потребляемую информацию, или принимают ее на веру, или отбрасывают как не заслуживающую внимания. Это содействует увеличению численности так называемых «вторичных манипуляторов» в молодежной среде, переводя самих представителей молодежи из категории субъектов в категорию объектов социального воздействия.

Часть респондентов осознает, что участники протестных акций могут быть объектом информационных воздействий и манипуляций. Так, треть респондентов отмечают значимую роль СМИ и интернет-ресурсов в активизации протестных настроений; пятая часть отмечает роль подстрекательства со стороны оппозиционных политиков, осуществляемого также посредством интернет-коммуникаций. При этом

часть молодежи все-таки использует практики селективного отбора информации о наиболее значимых социальных событиях, обращаясь к тем источникам информации, содержание и тональность которых соответствует ее (молодежи) «картине мира». Это объясняет, в частности, низкую эффективность традиционных СМИ.

Что касается «картины мира», т.е. суждений респондентов о себе («Я-концепция») и социуме («Мы-концепция»), то она является конструктом, сформировавшимся как в результате усвоения и переработки информации, так и вследствие собственного жизненного опыта личности. Эти концепции являются своеобразной решеткой, которая отбраковывает информацию, диссонирующую с устоявшимися представле-

ниями; реконструируется информация, согласовывающаяся с суждениями личности. Объективные социальные процессы обуславливают социальные настроения молодежи не непосредственно, а через призму ее системы суждений о себе и социуме. В качестве одного из индикаторов «Я»- и «Мы»-концепций молодежи мы использовали парные оценки «гордость – недовольство» в отношении собственной персоны и в отношении социумов принадлежности (в данном случае рассмотрим на примере своей страны). В таблице 4 представлены результаты ответов на вопрос о гордости за собственные достижения, успехи, за достижения, успехи страны, недовольство за собственные неудачи, ошибки, неудачи, ошибки страны, которые испытывали респонденты в 2020 году.

Таблица 4

Гордость и недовольство, % от числа ответивших

Table 4

Pride and discontent, % of respondents				
<i>Проявление чувств... / Expression of feelings ...</i>	часто / often	иногда / sometimes	нет / no	безразлично / indifferently
<i>гордости / pride</i>				
за собственные достижения, успехи / for their own achievements, successes	35,9	47,1	13,9	3,1
за достижения, успехи страны / for the achievements, successes of the country	11,2	24,3	52,2	12,3
<i>недовольства / discontent</i>				
за собственные неудачи, ошибки / for your own failures, mistakes	23,6	53,5	18,4	4,9
за неудачи, ошибки страны / for the failures, mistakes of the country	29,4	28,5	26,1	16,0

Чувство гордости в «Я» – концепции превалирует над чувством недовольства, что объяснимо с точки зрения психологии. Однако при этом близость проявлений этих противоположных чувств (35,9 против 23,6; 47,1 против 53,5 и т.д.), испытанных респондентами, вызывает некоторые вопросы. Личные достижения и успехи, как и личные неудачи и ошибки обусловлены не только действиями самих молодых людей, но и внешними обстоятельствами. Судя по этим данным, нельзя говорить о высоком

тонусе самочувствия и самооценки современной молодежи. Недовольство собой так или иначе трансформируется в недовольство обстоятельствами, тем более что для молодого возраста характерен экстернальный локус контроля. Что касается оценок страны, то недовольство ее неудачами и ошибками проявляется заметно больше, чем гордость за достижения и успехи страны.

С точки зрения проявления негативных переживаний за ошибки и неудачи

страны молодых людей можно разделить на 3 группы:

Первая группа – молодежь с невысоким уровнем выраженности переживаний за судьбы страны (баллы 1-4: 25,7%). Эту группу составляют молодые люди, равнодушные к тому, что происходит в стране (фиксировавшие в ответах на другие вопросы «мне это безразлично», «мне все равно, что происходит в стране» и т.д.), молодые люди, занимающие пассивную гражданскую и социальную позиции.

Вторая группа – молодежь со средним уровнем выраженности переживаний за судьбы и неудачи страны (баллы 5-7: 46,6%). Это наиболее многочисленная группа молодежи, беспокоящаяся за судьбу страны. Можно полагать, что у представителей данной группы компонента недовольства доминирует над компонентой действия. Чувств недовольства состоянием дел в стране недостаточно для активных протестных действий.

Две первые группы, составляющие более 70%, представляют собой в социально-политическом отношении пассивную часть молодежи. Но в условиях нарастания протестных настроений и акций

часть второй группы может также перейти в ряды активно протестующих.

3 группа – молодежь с высоким уровнем выраженности переживаний за судьбы и неудачи страны (баллы 8-10: 27,7%). Полагаем, что среди представителей данной группы наиболее выражена тенденция к действию, в том числе и протестному.

Протестные настроения и действия молодежи связаны и с таким субъективным фактором, как «Я»- и «Мы»-концепция молодежи. Эти концепции базируются, прежде всего, на оценках себя и других. Рассмотрим особенности самооценок и оценок своих сверстников, которые были получены в ответ на предложение респондентам охарактеризовать свои представления о себе лично и о своих сверстниках по 11 показателям. Для анализа применялась шкала отношений, включающая положительные и отрицательные значения (+3 – высокий уровень проявления качества, +2 – средний уровень, +1 – низкий уровень, 0 – отсутствие, -1, -2, -3 – соответственно уровни проявления противоположных качеств). По результатам анализа рассчитывались средние индексы выраженности каждого качества.

Таблица 5

Самооценки и оценки сверстников (в баллах от – 3 до + 3)

Table 5

Self-assessments and peer assessments (in points from – 3 to + 3)

Наделяемые качества / Endowed qualities	Самооценки / Self-assessments	Оценки сверстников / Peer ratings
Справедливость / несправедливость / Fairness / injustice	+1,5	+0,6
Ориентация на собственные силы (надежда на себя) / ориентация на силы других (надежда на других) / Self-orientation (self-reliance) / others-orientation (hope in others)	+1,4	+0,6
Ответственность / безответственность / Responsibility / irresponsibility	+1,4	+0,5
Дисциплинированность / недисциплинированность / Discipline / indiscipline	+1,2	+0,7
Жизнерадостность / унылость / Cheerfulness / sadness	+1,1	+0,9
Умность / глупость / Cleverness / stupidity	+1,1	+0,7
Демократичность / недемократичность	+1,0	+0,8

Наделяемые качества / Endowed qualities	Самооценки / Self-assessments	Оценки сверстников / Peer ratings
/ Democracy / undemocratic		
Передовые позиции (передовой) / отсталость / Forward positions (advanced) / backwardness	+1,0	+0,9
Энергичность / инертность / Vigor / inertia	+0,9	+1,0
Активность / пассивность / Activity / passivity	+0,6	+1,0
Деловитость / не деловитость / Business-like / not business-like	+0,5	+0,5

Обратим внимание на следующие результаты. Во-первых, на достаточно низкие самооценки молодых людей. Несмотря на то, что в среднем и самооценки, и оценки сверстников по всем параметрам являются положительными, оценок на уровне среднего и выше нет. Самые низкие самооценки отмечены по таким качествам личности, как энергичность, активность, деловитость (ниже слабого уровня проявления). Если исходить из формулы У. Джеймса «самооценка = успех / уровень притязаний», то можно сделать два предположения. Первое – успехи части современной молодежи являются недостаточными относительно их уровня притязаний. Второе – уровень притязаний части молодежи является невысоким. Каково соотношение этих частей молодежи – это предмет отдельного исследования. В рамках обсуждаемой темы следует отметить, что низкая самооценка является субъективным фактором и социальной активности (неудовлетворенность успехами), и социальной пассивности (низкий уровень притязаний).

Во-вторых, отметим более низкие оценки проявляемых сверстниками качеств по сравнению с самооценками. Это вполне объяснимо, поскольку самооценка наце-

лена на защиту Я-концепции. В Мы-концепции лишь энергичность и активность оценивается более высоко, чем в Я-концепции. Однако все перечисленные качества своих сверстников молодые люди оценивают как низкий уровень, приближающийся к их отсутствию (от +1 до +0,5). Подобное пессимистическое видение молодыми людьми своих сверстников может быть симптомом неблагоприятного состояния и молодежи, и самого общества. Такая пессимистическая картина обусловлена неудовлетворенностью состояния и перспектив молодого поколения, и эта неудовлетворенность ведет и к желанию изменить в лучшую сторону обстоятельства жизни, и к пассивному приятию и приспособлению к социальной действительности.

Двойственность жизненной позиции молодого поколения проявляется, в частности, в отношении такой формы политического участия, как выборы. Лишь каждый четвертый респондент признает значение выборов как легитимной возможности позитивных перемен в обществе. Суждения о причинах абсентеизма среди молодежи ранжируются следующим образом (в %; респондентам предоставлялась возможность выбрать несколько вариантов ответов):

<i>Не верят в возможность что-либо изменить</i>	64,2
<i>Не разбираются в политике</i>	22,7
<i>Равнодушие</i>	15,2
<i>Лень</i>	4,4
<i>Затруднились ответить</i>	17,3

В целом возможности различных каналов артикуляции интересов оцениваются молодыми людьми следующим образом (ответы в % на вопрос «Можно ли добиться

положительных изменений в стране без акций протеста?»; респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов):

<i>Да, активно участвуя в выборах</i>	26,4
<i>Да, активно участвуя в различных политических и общественных организациях</i>	29,6
<i>Да, принимая участие в различных петициях</i>	17,7
<i>Да, участвуя в дискуссиях в социальных сетях и блогах</i>	11,9
<i>Нет, все эти формы бесполезны</i>	25,5
<i>Затруднились ответить</i>	26,6

Неверие в возможность что-либо изменить в лучшую сторону, участвуя в политике, не прибегая к протестным действиям, выражает каждый четвертый респондент. Менее трети респондентов отмечают такие возможности артикуляции интересов, как участие в выборах, в деятельности различных общественных и политических организаций. Петиции, блоги, социальные сети как инструменты политического давления, с точки зрения респондентов, малоэффективны. Таким образом, легальные способы влияния на власть представляются молодежи малоэффективными способами добиться положительных изменений в обществе. Поэтому для более половины респондентов участие в протестных акциях обладает позитивной интенцией, хотя и рассматривается как вынужденный шаг.

Заключение (Conclusions). Протестные настроения в молодежной среде свидетельствуют о необходимости не только расширения легальных возможностей артикуляции молодого поколения и всего населения страны, но и совершенствования молодежной политики. Действия «против» (акции протеста) появляются тогда, когда ограничены действия «за». Мы имеем в виду степень соучастия молодежи в общих делах. В ряде стран существует консолидирующая идеология, общенациональная мечта, разделяемые большинством цели развития страны. Такая объединительная сила в нашей стране в силу ряда причин еще не сформировалась. Она и не может появиться в условиях разорванности интересов политической и бизнес-элиты и масс.

В нашей стране реализуются национальные цели развития до 2030 года. Значительная часть мер в рамках этих национальных целей ориентирована на создание благоприятных возможностей для молодежи. Однако и по содержанию этого документа, и по тому, как он реализуется, эти национальные цели – для российского общества, в том числе для молодежи, но не самого общества в целом и не молодежи, в частности. Если такие цели формулируются для народа (нации), но не «вырастают» в самом народе, не идут «снизу», они и не будут общенациональными. Условием формирования общенациональных целей является позитивная, деятельная общероссийская идентичность граждан. Под такой идентичностью мы понимаем не только установление определенного тождества между индивидом и страной, но желание и стремление индивида принимать участие в решении общих для страны социальных, экономических, политических, духовных, экологических и т.п. проблем. Основой такой идентичности является «Мы- концепция», базирующаяся не только и не столько на основе отнесения себя к гражданской, социокультурной и государственно-политической общности россиян, сколько на основе сопричастности человека к общим делам, к общероссийским целям. Мы можем судить об общероссийской идентичности человека по тому, как он не только на словах, не только на уровне чувств, но и на уровне своих конкретных действий отождествляет себя с Россией.

С целью анализа состояния и возможностей формирования такой деятельной общероссийской идентичности мы провели сравнение представления молодежи о целях, способных объединить россиян, с национальными целями страны до 2030 года, определенными указом Президента

страны. В качестве целей, способных объединить всех россиян (формулировка вопроса – «*Имеются ли, на Ваш взгляд, какие-либо цели, способные объединить россиян?*»), респонденты указали (в порядке значимости) стремление превратить Россию:

Таблица 6
Национальные цели в Мы-концепции молодежи, % от числа ответивших

Table 6

National goals in We-the concept of youth, % of respondents

Цели: чтобы наша страна была признаваемой во всем мире ... / Goals: to make our country recognized all over the world...	да, может объединить... / yes, it can combine ...			нет, это дело самого человека / No, this is a matter for the persons themselves	затруднились ответить / couldn't answer
	всех россиян / all Russians	большую часть россиян / most of Russians	меньшую часть россиян / mi- nority of Russians		
добрым соседом / good neighbor	18,1	23,6	16,1	15,6	26,6
военной державой / military power	11,7	19,4	20,1	20,8	28,0
высоких технологий / high tech	20,2	25,7	6,5	14,0	23,6
честного предпринимательства / honest business	16,5	24,0	18,7	15,4	25,4
долгожителей / centenarians	9,6	12,2	19,7	31,1	20,0
обеспеченных людей / well-off people	24,4	24,6	17,1	17,3	12,5
физически крепких, спортивных людей / physically strong, athletic people	11,3	25,7	24,3	20,3	12,8
высокообразованных людей / highly educated people	18,7	28,9	20,6	15,3	11,8
поддержки талантов / talent support	14,2	27,4	21,3	17,1	12,9
научных достижений / scientific achievements	17,4	28,5	20,2	14,4	12,3
духовной культуры / spiritual culture	13,0	27,2	21,3	16,2	13,9
нравственных людей / moral people	16,0	25,0	20,1	15,3	14,4
комфортных условий жизни / comfortable living conditions	31,9	26,1	9,3	14,2	12,1
чистой окружающей среды / clean environment	23,8	27,6	15,2	12,6	11,8

То, что самая большая доля респондентов по разным параметрам националь-

ных целей не превышает одной трети, говорит о том, что большинство не видят основных объединяющих целей россиян. При

этом оценки респондентов относительно объединительного потенциала тех или иных целей (способных стать общим делом всех россиян, или большинства, или хотя бы меньшей их части) существенным образом расходятся. Следовательно, гражданским обществом пока еще не сформулирована ведущая идея, мечта, способная стать консолидирующей общенациональной целью.

Национальные цели, определенные в указе Президента страны, воспринимаются как целевые установки для государственного аппарата. Они не стали подлинно национальными, т.е. целями самого гражданского общества. Поскольку многие национальные цели имеют самое непосредственное отношение к потребностям молодежи, она должна была бы заинтересована не только в результатах управленческого аппарата в реализации этих целей, но и в участии в их реализации. По большому счету, гражданское общество, в том числе молодежь, рассматривается государственным аппаратом в качестве не субъекта, а объекта национальных целей. Спускаемые сверху цели всегда остаются декларациями, если они не являются или не превращаются в цели самого общества, конкретного человека.

Чем больше людей разделяют выросшие из самого общества национальные цели, тем больше будет национального согласия и сотрудничества. И, наоборот, отсутствие или размытость общенациональных целей всегда будут порождать протестные настроения и действия.

Список литературы

Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 73-86.

Волыничук А. Б., Соловченков С. А. Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2013. № 1 (19). С. 25-36.

Габа О. И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144-151. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ (дата обращения: 4.03.2021).

Дементьева И. М. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территории. 2013. № 4 (66). С. 83-94.

Кленова М. А. Протестная активность и ее психологическое содержание в контексте социально-политической активности молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, вып. 4 (32). С. 362-367.

Лебон Г. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6. С. 119-152.

Марин Е. Б. Молодёжные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 63-82.

Пацеля Я. С. Протесты в Хабаровском крае: анализ и прогноз развития политической ситуации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 1, № 7 (76). С. 2072-2076.

Пономарева Е. Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2021. № 2 (373). С. 5-28.

Романов С. Ю., Юсупов И. Ф., Салимгареев Д. И. Социологические аспекты протестной активности в Республике Башкортостан на современном этапе // Власть. 2021. № 1. С. 240-247.

Руденкин Д. В. Как российская социально-гуманитарная наука изучает молодежные протесты: основные направления анализа // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 2 (7). С. 32-47.

Таланов С. Л. Влияние референтной личности (группы) на протестные настроения студенческой молодежи // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). С. 32-47.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1999.

Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный ана-

лиз поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139-158.

Чанкова Е. В., Сорокин О. В. Коммуникативная компетентность россиян // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 2. С. 10-25. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-2-0-2

Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Жуков П. С. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. 2020. № 1. С. 139-151.

Armstrong E. A., Bernstein M. Culture, Power and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements // Sociological Theory. 2008. Vol. 26, iss. 1.

Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.

Merton R. K. Social theory and social structure. Glencoe, 1957.

Juska A., Woolfson C. Crime. Policing political protest in Lithuania // Crime; Law and Social Change. 2012. Vol. 57, iss. 4. Pp. 403-424.

Ratliff T. N., Hall L. L. Practicing the Art of Dissent. Toward a Typology of Protest Activity in the United States // Humanity & Society. 2014. Vol. 38, iss. 3. Pp. 268-294.

Shamionov R. M. Social activity of youth: a systemic diachronic approach as a threat to the socialization of modern youth // Russian psychological journal. 2019. Vol. 16, № 1. Pp. 166-188.

Stouffer S., Suchman E. et al. The American Soldier: adjustment during army life. Princeton, 1949.

References

Volkov, D. (2012), "Protest rallies in Russia in late 2011 – early 2012: a request for the modernization of political institutions", *Bulletin of public opinion*, (2), 73-86. (in Russian)

Volynchuk, A. B. and Solovchenkov, S. A. (2013), "Social tension and test activity in the context of social security analysis", *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*, (1), 25-36. (in Russian)

Gaba, O. I. (2015), "Youth as a subject of protest sentiments", *Knowledge, understanding, skill*, (1), 144-151, available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ (Accessed 03 April 2021). (in Russian)

Dementyeva, I. M. (2013), "Study of the protest activity of the population in foreign and domestic science", *Problems of territory development*, (4), 83-94. (in Russian)

Klenova, M. A. (2019), "Protest activity and its psychological content in the context of the socio-political activity of youth", *Izv. Sa-rat. un-that. New ser. Acmeology of education. Developmental psychology*, 8 (4), 362-367. (in Russian)

Le Bon, G. (1991), "Opinions and beliefs of the crowd", *Philosophical and sociological thought*, (6), 119-152. (in Russian)

Marin, E. B. (2018), "Youth protest moods in the Primorsky Territory (on the example of students)", *Bulletin of the Institute of Sociology*, (26), 63-82. (in Russian)

Patsal, Ya. S. (2021), "Protests in the Khabarovsk Territory: Analysis and Forecast of the Development of the Political Situation", *Issues of national and federal relations*, 1 (7), 2072-2076. (in Russian)

Ponomareva, E. G. (2021), "Protest movement in Belarus: evolution, technology, symbols", *Scientific-analytical journal Observer*, (2), 5-28. (in Russian)

Romanov, S. Yu., Yusupov, I. F. and Salimgareev, D. I. (2021), "Sociological aspects of protest activity in the Republic of Bashkortostan at the present stage", *Power*, (1), 240-247. (in Russian)

Rudinkin, D. V. (2020), "How Russian social and humanitarian science studies youth protests: the main directions of analysis", *Trends in the development of science and education*, (2), 32-47. (in Russian)

Talanov, S. L. (2020), "The influence of the reference personality (group) on the protest moods of student youth", *Socio-political studies*, (2), 32-47. (in Russian)

Tarde, G. (1999), *Public opinion and crowd*, Institute of Psychology RAS, Publishing house "KSP +", Moscow, Russia. (in Russian)

Titov, V. V. (2020), "Strategies of social protest of youth in Runet: a comparative analysis of generations Y and Z", *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (3), 139-158. (in Russian)

Chankova, E. V. and Sorokin, O. V. (2021), "Communicative competence of Russians", *Research Result. Sociology and Management*, (2), 10-25. DOI: 10.18413 / 2408-9338-2021-7-2-0-2 (in Russian)

Yudina, T. N., Mazaev, Yu. N., Bormotova, T. M. and Zhukov, P. S. (2020), "State and dynamics of protest activity in modern Russian society", *Bulletin of Perm University*, (1), 139-151. (in Russian)

Armstrong, E. A. and Bernstein, M. (2008), "Culture, Power and Institutions: A Multi-Institutional Politics Approach to Social Movements", *Sociological Theory*, 26 (1).

Dahrendorf, R. (1959), *Class and Class Conflict in Industrial Society*, Stanford University Press, Stanford, USA.

Merton, R. K. (1957), *Social theory and social structure*, Glencoe, USA.

Juska, A. and Woolfson, C. (2012), "Crime. Policing political protest in Lithuania", *Crime; Law and Social Change*, 57 (4), 403-424.

Ratliff, T. N. and Hall, L. L. (2014), "Rracting the Art of Dissent. Toward a Typology of Protest Activity in the United States", *Humanity & Society*, 38 (3), 268-294.

Shamionov, R. M. (2019), "Social activity of youth: a systemic diachronic approach as a threat to the socialization of modern youth", *Russian psychological journal*, 16 (1), 166-188.

Stouffer, S., Suchman, E. and et al. (1949), *The American Soldier: adjustment during army life*, Princeton, USA.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2021 г. Поступила после доработки 01 августа 2021 г. Принята к печати 15 августа 2021 г.

Received 17 June 2021. Revised 01 August 2021. Accepted 15 August 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

Садретдинова Эвеллина Винеровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

Rafael B. Shaikhislamov, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Guzeliya R. Asadullina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Bashkir State University, Ufa, Russia.

Evellina V. Sadretdinova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Bashkir State University, Ufa, Russia.